

ПОЛТАВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Провѣдательная дѣятельность Императорскаго
Православнаго Палестинскаго Общества въ Па-
лестинѣ и Сиріи.

(Окончаніе *).

Въ Назаретскій пансіонъ принимаются достаточно подготовленные къ прохожденію его курса дѣти въ возрастѣ отъ 11 до 13 лѣтъ **). Полный курсъ пансіона продолжается 6-ть лѣтъ и раздѣляется на 3 класса, по два года въ каждомъ: два класса общеобразовательные и одинъ, преимущественно, практическій. Въ курсѣ I и II классовъ преподаются: Законъ Божій, арабскій, русскій, турецкій и греческій языки, исторія, географія, ариѳметика, начальная геометрія, чистописаніе арабское и русское, черченіе съ рисованіемъ, церковное и свѣтское пѣніе—туземное и русское. Занятія въ III классѣ раздѣляются на теоретическія и практическія. Первые состоятъ въ продол-

*) См. 15 № неоффц. части «Полт. Епарх. Вѣд.» 1902 г.

**) Теперь въ пансіонъ принимаются исключительно ученики, окончившіе курсъ двуклассныхъ начальныхъ школъ Палестинскаго Общества, въ первые же годы существованія пансіона, когда русскихъ начальныхъ училищъ въ Палестинѣ было очень мало, приходилось, по необходимости, принимать лучшихъ учениковъ патріаршихъ школъ.

женіи курса предыдущихъ классовъ по Закону Божію, ариѳметикѣ, арабскому и русскому языку и въ урокахъ по ученію о воспитаніи, вторыя—въ занятыхъ въ существующей при пансіонѣ образцовой школѣ.—Учительское дѣло есть искусство и, при томъ, самое сложное и трудное. Искусство это, даже въ простѣйшихъ формахъ его проявленія, дается только тому, кто усердно работаетъ для его приобрѣтенія въ области практики. Вотъ почему, въ Назаретскомъ пансіонѣ приложено особенное стараніе къ возможно лучшей постановкѣ занятій воспитанниковъ въ образцовомъ училищѣ, чтобы они еще на школьной скамьѣ могли усвоить раціональные приемы преподаванія и обращенія съ дѣтьми.

Но человѣку, допускаемому до великаго дѣла воспитанія и обученія дѣтей, недостаточно обладать одной только техникой своей профессіи, недостаточно умѣть—легко и быстро повліять на ребенка, ему необходимо еще обладать знаніемъ того, во имя чего требуется вліяніе, онъ долженъ самъ имѣть правильное и разумное міросозерцаніе; а такъ какъ внѣ религіи, внѣ вѣры во Христа, какъ мы старались выяснитъ, нѣтъ ни мысли глубокой, ни жизни, ни смысла въ самой жизни и такъ какъ Палестинскимъ Обществомъ въ основу школьнаго дѣла положенъ церковно-религіозный принципъ, то, естественно, что въ Назаретскомъ пансіонѣ преимущественное вниманіе обращается на религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ. Въ главу изучаемыхъ предметовъ поставленъ Законъ Божій, на урокахъ котораго какъ въ достаточной степени сообщаются теоретическія религіозныя знанія, такъ и ведутся соотвѣтствующія содержанію изучаемаго нравоучительныя бесѣды, имѣющія цѣлію своею—содѣйствовать укрѣпленію сердечной вѣры и нравственно-добраго настроенія воспи-

танниковъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ воспитанія религіозной и нравственной настроенности учащихся созданъ и весь строй, весь порядокъ пансіонской жизни. Каждый учебный день въ пансіонѣ начинается и оканчивается молитвой и чтеніемъ дневного Евангелія, а въ святую Четырдесятницу на вечерней молитвѣ читается, обыкновенно, великое повечеріе. Всѣ воспитанники пансіона, въ сопровожденіи начальника и наставниковъ, неопустительно посѣщаютъ воскресныя и праздничныя богослуженія, читаютъ и поютъ въ церкви, два раза въ годъ—въ Великомъ и Рождественскомъ постѣ—говѣютъ, строго соблюдаютъ какъ эти, такъ и другіе многодневные и однодневные посты,—исключеніе дѣлается только для больныхъ, но и между ними иногда находятся такіе, которые и при болѣзни не хотятъ употреблять скоромной пищи. По воскреснымъ днямъ всѣ пансіонеры обязательно присутствуютъ на религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ, въ веденіи которыхъ воспитанники III класса принимаютъ иногда и активное участіе.

Придавая главное значеніе въ дѣлѣ воспитанія вѣчно-дѣйственнымъ религіозно-нравственнымъ средствамъ, начальство Назаретекаго пансіона не оставляетъ безъ примѣненія и выработанныхъ позднѣйшею наукою воспитательно-дисциплинарныхъ мѣръ. Школа безъ дисциплины, говоритъ великій славянинъ Амосъ Коменскій, тоже, что мельница безъ воды; а потому, во всякомъ благоустроенномъ учебномъ заведеніи должна быть строгая дисциплина, порядокъ и неуклонный надзоръ за воспитанниками; въ Назаретскомъ пансіонѣ они доведены почти до возможнаго и желательнаго совершенства, какъ свидѣлствуютъ о томъ лица, по порученію Совѣта Общества, неоднократно ревизовавшія пансіонъ. Необходимо, конечно, дѣло безъ проступковъ, безъ нарушенія дисциплины,

но ненадо забывать, что Назаретскіе пансіонеры— дѣти Востока, крайне нервныя и впечатлительныя, вышедшія, притомъ, изъ невѣжественной нравственно-испорченной среды. Отношеніе начальника пансіона и преподавателей-воспитателей къ дѣтямъ, по отзывамъ ревизоровъ, строгое, но въ то-же время, сердечное, внимательное, исполненное, какъ требуетъ здравая педагогика, разумной любви. Гдѣ нѣтъ этой любви, тамъ учитель обращается въ неразумнаго деспота, а дисциплина—въ дрессированіе, ничего общаго съ нравственнымъ воспитаніемъ не имѣющее; но истинная любовь къ учащимся, точно также, слишкомъ далека отъ того, чтобы подлаживаться подъ ихъ вкусы, или потворствовать дурнымъ ихъ склонностямъ. Ни заискивающей взоръ, усматривающей въ зараженной грѣховной наслѣдственностію юной душѣ одно лишь хорошее, ни льстивый языкъ, боящейся приказывать и запрещать, ни слабая рука, трепещущая когда надо дать неприятное, но спасительное лѣкарство, не составляютъ выраженія истинной любви. Все это слабость и безхарактерность, за которую впоследствии воспитанники нерѣдко жестоко платятся въ жизни. Истинная любовь не такова. Она поднимаетъ падшаго, утѣшаетъ огорченнаго, подкрѣпляетъ колеблющагося, но презираетъ фальшь, бодро идетъ навстрѣчу нравственной опасности, бичуетъ зло во всѣхъ его проявленіяхъ, исторгаетъ плевелы съ корнемъ. Такая только любовь и можетъ дать полезные результаты въ дѣлѣ воспитанія *).

Сердечная заботливость Назаретскихъ педагоговъ о благѣ воспитанниковъ, при надлежащей строгости отношенія къ нимъ, ясно сказывается въ томъ, что дѣлается учебнымъ персоналомъ для эстетическаго образованія учениковъ и, въ особенности, въ тѣхъ

*) Фармаковскій. Методика школьной дисциплины, 79—80 стр.

нравственно-облагораживающихъ эстетическихъ развлеченійхъ, въ родѣ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которыя довольно часто по праздничнымъ днямъ устраиваются въ пансіонѣ. На этихъ вечерахъ, въ присутствіи наставниковъ, товарищей, а иногда и постороннихъ гостей, пансіонеры поютъ гимны и пѣсни, читаютъ выбранные преподавателями отрывки литературнаго и историческаго содержанія и произносятъ стихи и рассказы, ими самими составленные. Такимъ образомъ, учебное Назаретское начальство беретъ на свое попеченіе не только трудъ, но и досугъ своихъ воспитанниковъ, пріучаетъ ихъ не только къ регулярнымъ занятіямъ и дисциплинѣ, но и къ разумному отдыху отъ работы, воспитывая въ то-же время вкусъ къ изящному и давая имъ возможность нерѣдко переживать счастливійшія минуты свѣтлой радости и неподдѣльнаго дѣтскаго восторга.

Изъ развлеченій и удовольствій, доставляемыхъ Назаретскимъ пансіонерамъ, нужно еще указать на учебныя прогулки, ежегодно ими совершаемыя подъ руководствомъ начальника и наставниковъ по выработаннымъ заранѣе маршрутамъ. Прогулки эти, обыкновенно, пріурочиваются къ пасхальнымъ и лѣтнимъ каникуламъ и мѣстомъ для нихъ избираются или предѣлы галилейскіе, или болѣе отдаленныя отъ Назарета святыя мѣста Іудеи. Образовательно-воспитательное значеніе подобнаго рода прогулокъ, несомнѣнно, велико. При непосредственномъ соприкосновеніи съ природой, дѣти, какъ выражается Ушинскій, беззаботно и бессознательно впитываютъ въ себя потокомъ люціяся изъ нея мысли и зародыши мыслей, ихъ умъ обогащается обильнымъ запасомъ наглядныхъ практическихъ свѣдѣній, они знакомятся съ мѣстной жизнью и бытовыми условіями населенія. Когда, затѣмъ, какъ не во время подобнаго рода учебныхъ прогу-

локъ, учащійся всего скорѣе и легче можетъ отдаться эстетическому созерпанію природы, проливающему въ его душу умиротворяющій, чарующій свѣтъ, уносящему его куда-то далеко-далеко отъ будничной сѣрой дѣйствительности. Чудный ландшафтъ роскошной галилейской природы, животворящее восточное солнце, расточающее свои золотые лучи съ щедростью настоящаго олимпійскаго бога, южная ночь съ ея сказочной красотой приводятъ въ изумленный восторгъ сухого аналитика европейца;—что-же сказать о пылкихъ, впечатлительныхъ, живущихъ не столько умомъ, сколько сердцемъ, арабскихъ подросткахъ?! А какъ легко, какъ умѣстно отъ этой дивной ночи, отъ мерцающихъ въ далекой синевѣ неба свѣтилъ, отъ яркаго солнца, отъ зеленыхъ полей, отъ прекрасныхъ цвѣтовъ возвести мысль и чувство ученика къ Тому, Кто такъ украсилъ и обогатилъ, Кто создалъ эту чудную природу. Не опустимъ изъ вниманія и того, что на дивныхъ картинахъ природы, которыя теперь имѣютъ возможность созерцать арабскія дѣти, нѣкогда по-долгу покоился взоръ Богочеловѣка, не забудемъ, что Палестина освящена пречистыми стопами Господа Спасителя нашего и потому путешествіе по ней наводитъ молодыхъ экскурсантовъ, какъ сами пишутъ они въ своихъ дневникахъ, на многія священныя воспоминанія,—заставляетъ то радостно, то трепетно биться ихъ юное сердце,—яснѣе и тверже напечатлѣваетъ въ ихъ душахъ Божественный образъ Искупителя и възгрѣваетъ благоговѣйную любовь къ Нему. Вотъ почему, изданная Совѣтомъ Общества инструкція и требуетъ, чтобы руководители во время учебныхъ прогулокъ давали дѣтямъ соотвѣтствующія разъясненія, связывая путешествіе съ преподаваніемъ въ пансіонѣ священной исторіи.

Кромѣ каникулярныхъ школьныхъ походовъ, Наза-

ретскіе пансіонеры въ теченіе учебнаго года, въ хорошую погоду, аккуратно по средамъ, воскресеньямъ и праздникамъ, въ послѣобѣденное время, дѣлають загородныя прогулки, употребляя для нихъ каждый разъ отъ 4 до 5 и болѣе часовъ.

Отзываясь благотворно на духовномъ развитіи учениковъ, всѣ эти прогулки укрѣпляютъ дѣтей и физически. Для физическаго-же укрѣпленія и освѣженія учащихся, а также и сообщенія имъ полезныхъ въ жизни навыковъ, въ Назаретскомъ пансіонѣ въ широкихъ размѣрахъ практикуются занятія садоводствомъ и огородничествомъ. Воспитанники, по выходѣ изъ пансіона, всю свою жизнь должны будутъ учительствовать среди селянъ и всѣми силами души помогать имъ, не только внося въ ихъ среду понятія религіозныя и нравственныя, но и подавая имъ разные практическіе совѣты въ обыденной жизни, а, потому, будущимъ руководителямъ и совѣтникамъ народа крайне необходимо знать болѣе усовершенствованные способы обработки землі. Имѣя въ виду будущее положеніе и немаловажную роль въ селѣ Назаретскихъ пансіонеровъ, Палестинское Общество установило еще очередное дежурство воспитанниковъ въ амбулаторной лѣчебницѣ для ознакомленія ихъ съ приѣмами поданія первой помощи заболѣвающимъ. Бѣдные, голодные, грязные Палестинскіе арабы подвергаются чрезвычайно частымъ заболѣваніямъ и имъ не къ кому обратиться за медицинской помощью. Правда, для феллаховъ широко открыты двери протестантскихъ больницъ и лѣчебницъ, но тамъ, прежде чѣмъ получить помощь, они по цѣлымъ часамъ должны поучаться лютеранскому вѣроисповѣданію.

Совершенно аналогичной инструкціей съ мужскимъ учительскимъ пансіономъ руководится въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и открытый въ 1890 году жен-

скій Бет-Джалъскій пансіонъ, и можно было-бы привести цѣлый рядъ выдержекъ изъ ревизорскихъ отчетовъ, свидѣтельствующихъ о прекрасной постановкѣ въ немъ воспитательной части, о глубокой религіозной настроенности воспитанницъ, о ихъ любви и необыкновенно живомъ интересѣ къ занятіямъ по Закону Божію, но я не смѣю утруждать ваше вниманіе,—скажу только, что труды Бет-Джалъскаго точно также, какъ и Назаретскаго учебнаго персонала, не пропадаютъ напрасно: изъ ввѣренныхъ имъ разсадниковъ просвѣщенія выходятъ въ достаточной степени подготовленные къ педагогической дѣятельности учителя и учительницы,—скромные, трудолюбивые, пріученные къ чистотѣ и порядку, къ сдержанности, уваженію къ старшимъ, любви къ ближнему, съ развитымъ чувствомъ страха Божія, съ стремленіемъ къ возвышенному и прекрасному.

Добрыя начала, привитыя пансіонскимъ воспитаніемъ, скромные труженники на нивѣ народнаго просвѣщенія вносятъ и въ жизнь начальной школы.

Начальныя русскія училища въ Палестинѣ, одноклассныя съ трехъ-годичнымъ курсомъ и двухклассныя—съ курсомъ пятилѣтнимъ, раздѣляются на мужскія, женскія и смѣшанныя. Палестинское Общество заботится не только объ образованіи мужской половины населенія, но въ равной мѣрѣ и женской *), имѣя въ виду чрезвычайно глубокое и рѣшающее вліяніе женщины на весь складъ духовной жизни семьи. „Доброе воспитаніе крестьянскихъ дѣвочекъ для семейнаго быта, Я считалъ всегда за одну изъ главныхъ задачъ начального обученія. Великая будетъ польза для народа, когда будущія жены и матери крестьянъ вынесутъ изъ школы въ семью свою твер-

*) Въ школахъ Общества въ прошломъ учебномъ году обучалось 5246 мальчиковъ и 4493 дѣвочки.

ды начала вѣры и нравственности, привычку къ порядку и труду, знаніе церковнаго богослуженія и любовь къ пѣнію.“—Эти высоко-знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта, даннаго въ Маѣ 1899 года на имя Преосвященнѣйшаго Архипастыря нашего, Владыки Иларіона, должны быть путеводной звѣздой для всѣхъ русскихъ дѣятелей, куда-бы и когда-бы они не направились съ святымъ и похвальнымъ желаніемъ—послужить дѣлу народнаго просвѣщенія и, въ особенности, въ настоящее время въ Палестинѣ, гдѣ и инославная пропаганда дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, на женщинъ и дѣвочекъ въ полной и справедливой увѣренности, что какую религію исповѣдуетъ мать, ту же будутъ исповѣдывать и ея дѣти.

Въ начальныхъ училищахъ Палестинскаго Общества преподаются Законъ Божій, арабскій, русскій и турецкій языки, географія, ариеметика, чистописаніе и пѣніе. Кромѣ учебныхъ предметовъ, по мѣрѣ возможности, въ школахъ вводятся занятія гимнастикой, ручнымъ трудомъ, ремеслами, садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ и рукодѣліемъ. При обученіи требуется сознательное усвоеніе дѣтьми изучаемаго и изъ русскихъ училищъ настойчиво изгоняются излюбленные въ Палестинѣ чисто-механическіе приемы преподаванія. Но особенно заботливо, по требованію Совѣта Общества, учителя и учительницы начальныхъ школъ должны относиться къ религіозно-нравственному воспитанію дѣтей. Средства воспитанія—тѣ же, что и въ пансіонахъ,—религіозно-церковныя: молитва въ школѣ и въ храмѣ, участіе въ спасительныхъ таинствахъ, чтеніе Евангелія, псалтири, житій святыхъ и усиленные занятія по предмету Закона Божія, который дѣти прекрасно знаютъ и изучаютъ съ особенной любовью и усердіемъ. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителя или учительницы пансіонской подготовки,

обращеніе съ дѣтьми кроткое, терпѣливое, но въ то-же время настойчивое и требовательное, тамъ чистота и опрятность, порядокъ и дисциплина—слишкомъ мало извѣстные начальнымъ арабскимъ училищамъ.

Въ получившихъ правильную и законченную организацію одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ, сверхъ обычныхъ 3-хъ или 5-ти группъ, имѣется еще малолѣтнее отдѣленіе для дѣтей, не достигшихъ школьнаго возраста,—такъ называемый, дѣтскій садъ. Безъ такого сада наша школа не можетъ обойтись въ Палестинѣ. Здѣсь услужливые западные миссіонеры приучили феллаховъ—посылать въ школу самыхъ маленькихъ дѣтей, чтобы не нянчиться съ ними дома, и, потому, отказать малолѣткамъ въ приѣмѣ, значить прямо направить ихъ въ инославную школу. Малолѣтнее отдѣленіе, обычно, дѣлится на 2—3 группы. Къ 1-й, самой младшей—принадлежать едва лепечущія дѣти 3, 4, 5 лѣтъ; они могутъ только складывать пальчики для креста и говорить нѣсколько самыхъ легкихъ молитвъ, повторяя ихъ, сначала, съ голоса, а потомъ, самостоятельно хоромъ; они сидятъ на полу, на циновкахъ и играютъ въ незатѣйливыя игры. Дѣти второй и третьей группы уже нѣсколько развитѣе. Они знаютъ по арабски всѣ начинательныя молитвы и самыя краткія по славянски, заучиваютъ по картинамъ рассказы о дванадесятихъ праздникахъ,—изучаютъ звуки арабскаго языка и начертаніе ихъ на грифельныхъ доскахъ и занимаются нагляднымъ счетомъ до 10-ти. Если къ этому прибавить игры на воздухѣ какъ туземныя, такъ и общеупотребительныя русскія, то вотъ и всѣ занятія малолѣтняго отдѣленія, которыя преслѣдуютъ не столько учебную, сколько воспитательную цѣль—приучить дѣтей къ опрятности, порядку, послушанію, а самое главное, пробудить заложенную въ глубинѣ ихъ существа вѣру въ Бога,

укрѣпить, утвердить въ малюткахъ религіозное чувство.

Итакъ, имя Божіе есть первое слово, которое сообщается арабскому школьнику въ дѣтскомъ садикѣ Палестинскаго Общества, а благодарственнымъ молебствіемъ Всеблагому Создателю заканчивается его воспитаніе и обученіе въ учительскомъ пансіонѣ.— Таковъ основной типъ, постановка и складъ школьнаго дѣла, создаваемого въ Палестинѣ и Сиріи по начертаніямъ и указаніямъ Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Неняда, однако, забывать, что жизнь всегда ниже идеи и, потому, на практикѣ бываютъ иногда отступленія отъ данныхъ Обществомъ инструкцій, случаются ошибки, недосмотры, недостатки, но они свойственны всякому человѣческому начинанію и съ ними нужно мириться какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Самое важное въ дѣлѣ народнаго образованія—принципы, устои, на которыхъ его думаютъ созидать, принципы-же, положенныя Обществомъ въ основу его просвѣтительной дѣятельности, какъ мы уже говорили, незыблемы и прочны, слѣдовательно, твердо можно уповать на ея свѣтлое будущее. Въ Апрѣлѣ прошлаго года въ общемъ собраніи Императорскаго Палестинскаго Общества заявлялось, что какъ ни радуется его дѣятелей быстрое развитіе школьнаго дѣла за послѣднее время, но это далеко еще не южный солнечный день, а развѣ только первыя минуты предразсвѣтной зари. Намъ кажется, можно сказать, что нынѣшній годъ принесъ съ собою уже и желанный лучъ восходящаго солнца для дѣла Палестинскаго Общества: два съ половиною мѣсяца тому назадъ русскія палестино-сирійскія школы утверждены султанскимъ ираде и, такимъ образомъ, навсегда спасены отъ разнаго рода неожиданныхъ и

непріятныхъ случайностей, получивши право гражданства въ Турецкой имперіи.

Вл. Ильинскій.

Творчество Гоголя и его особенности.

*„Горькимъ словомъ моимъ помя-
юся“.* (Сл. прор. Іереміа, начертанныя
на гробницѣ Гоголя).

Великіе дѣятели высоко чтятся у народовъ всѣхъ образованныхъ странъ, и память о нихъ священна для потомства. И если искреннее и сознательное признаніе заслугъ людей мысли и, въ частности, великихъ писателей служить однимъ изъ важныхъ признаковъ умственной зрѣлости народа, то русскій народъ, въ его, по крайней мѣрѣ, лучшей части общества, смѣло можетъ примкнуть къ семьѣ просвѣщеннаго челоѣчества. Благоговѣніе предъ талантомъ и общественнымъ значеніемъ людей мысли, ярко выразившееся въ небываломъ всенародно-торжественномъ чествованіи памяти великаго Пушкина и выражающееся нынѣ въ неменѣе единодушномъ воспоминаніи геніальнаго Гоголя, сдѣлалось какъ бы насущною потребностью нашего общества, и краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорить, что Россія помнить и умѣетъ воздавать должное своимъ лучшимъ сынамъ. Писатели, являясь, преимущественно, представителями мысли, тѣмъ болѣе, имѣютъ право на благодарную память въ потомствѣ, и эта память тѣмъ священнѣе для него, чѣмъ болѣе писатель оставилъ въ наслѣдство потомству „мысли плодovitой и геніемъ начатаго труда“ (Лермонтовъ). Къ такимъ писателямъ, едвали не болѣе всѣхъ въ нашей литературѣ, долженъ быть причисленъ Гоголь, что давно

сознано мыслящими людьми и яркимъ выраженіемъ чего служили „гоголевскіе дни“.

Великая заслуга Гоголя предъ русскимъ обществомъ и литературой поставила его на такую высоту, о которой и самъ онъ, при всемъ высокомъ мнѣніи о себѣ, не имѣлъ яснаго представленія. Наибоѣе поработавшій для изученія Гоголя Шенрокъ говоритъ: „Будущимъ историкамъ литературы предстоитъ еще опредѣлять степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по совершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы“ *). А Бѣлинскій, этотъ провидецъ-критикъ, первый угадавшій широкое значеніе Гоголя въ русской словесности, еще до появленія „Мертвыхъ душъ“ поставилъ его во главѣ новаго литературнаго направленія господствующаго и понынѣ въ нашей словесности. Съ появленіемъ на свѣтъ Божій первыхъ созданій Гоголя, Бѣлинскій возвѣстилъ русской публикѣ, что произведенія Гоголя, — не одни только курьезные рассказы балагура, а драгоценные перлы художественнаго творчества въ истинномъ значеніи этого слова; что никого изъ русскихъ писателей нельзя назвать поэтомъ, съ большею увѣренностію и ни мало не задумываясь, какъ Гоголя; что, кромѣ идеальной поэзіи, можетъ быть еще поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности, истинная и настоящая поэзія нашего времени, и Гоголь есть, именно, поэтъ жизни дѣйствительной. А въ „М. д.“ Гоголь „сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова“. И одной изъ причинъ широкаго національнаго значенія нашего писателя слѣдуетъ считать то обстоятельство, что онъ не ограничивалъ кругъ наблюденій, симпатій и самой дѣятельности одной узкой племен-

*) Матер. для біограф. Г. т. 1, стр. 3.

ной сферой, а посвятилъ свои необъятныя силы служенію всей Россіи,—обстоятельство, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовавшее размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ его стремленій. Эта необъятная сила и ширь творчества и особенность его „озирать всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя невѣдомыя ему слезы“ ставятъ Гоголя на особое, исключительно принадлежащее ему мѣсто, въ исторіи нашей словесности.

Знакомство съ этою неизмѣримою силою творчества и его особенностями мы и поставимъ своей задачей.

Творчество Гоголя находилось въ тѣсной связи съ нѣкоторыми особенностями его духовной организаціи. Скажемъ предварительно о нихъ нѣсколько словъ. Одной изъ такихъ особенностей натуры Гоголя была его глубокая оригинальность, рѣзко выдѣлявшая его изъ толпы и оставившая яркій слѣдъ на его сочиненіяхъ. „Всегда и вездѣ, говоритъ Шенрокъ, онъ оставался, въ строгомъ смыслѣ слова, самимъ собой, съ своей характерной, чисто-національной украинской нравственной фізіономіей, нисколько не принимая того спеціальнаго отпечатка, который налагаютъ почти на каждого профессія, обстановка, условія жизни.... Оригинальнымъ самородкомъ является Гоголь въ своей литературной дѣятельности, въ своемъ творчествѣ, по глубоко-справедливому замѣчанію одного критика, находившаго, что „въ развитіи своемъ Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ писателей“. Эту-то самобытность его натуры и таланта необходимо имѣть въ виду прежде всего, въ какомъ бы мы отношеніи не стали разсматривать Гоголя“ *). Другая черта Гоголя, имѣвшая громадное вліяніе на особенность его твореній,—это необыкновенный даръ наблюдательности—

*) Матер. для біограф. Г. 2 т., 320 стр.

художественной, поэтической, проявившейся въ Гоголѣ съ Раннихъ лѣтъ, какъ самъ онъ объ этомъ говоритъ въ началѣ VI главы первой части „Мертв. душъ“: „Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли это деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало... ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ—подъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покровъ какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей издали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшей изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за нимъ въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо—я уже и задумывался: куда онъ идетъ“... и Гоголь обращался къ художественной памяти, вызывая различные образы изъ жизни чиновника, какъ далѣе, „подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика“—по его дому, по саду, по всему окружающему „старался угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ“. Такъ этотъ даръ поэтической наблюдательности соединялся у Гоголя съ необыкновенной воспримчивостію, художественной памятью и живымъ воображеніемъ. Къ этимъ свойствамъ поэтической природы Гоголя нужно прибавить еще одну, на которую онъ самъ указалъ въ своей „Авторской исповѣди.“ „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свой-

ства. У меня и выходило только то хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ“. Къ этимъ особенностямъ нужно прибавить еще одну черту, — это необыкновенную чуткость Гоголя въ пониманіи свойствъ человѣческой натуры, его поразительное умѣнье схватывать эти свойства и выливать ихъ въ живой цѣлостный образъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравнимъ его, на примѣръ, съ однимъ очень крупнымъ художникомъ послѣдующей эпохи, съ Щедринымъ. Послѣ Гоголя онъ нашъ величайшій сатирикъ, а, между тѣмъ, изъ всѣхъ его многочисленныхъ типовъ уцѣлѣлъ, какъ нарицательное имя, одинъ только образъ его кулака Разуваева. Прочія многочисленныя фигуры Щедрина остались забавными карриатурами, и потомство врядъ ли ихъ запомнитъ. А у Гоголя, даже, второстепенныя лица—его Маниловы, Ноздревы, Собакевичи, Коробочкины, Плюшкины, долго будутъ жить, какъ нарицательныя имена, одинаково понятныя всѣмъ классамъ читающей публики. Гоголь создалъ не одно лицо, не одну картину, не одно положеніе и чувство, на которое можно указать, какъ на нѣчто законченное, дѣйствительно созданное, дѣйствительно „возведенное въ „перлъ созданія“. Такимъ образомъ, творчество Гоголя, какъ высокаго оригинальнаго таланта, истекало, прежде всего, изъ его природныхъ дарованій, изъ его глубокой поэтической натуры. И вотъ съ какими богатыми природными данными Гоголь приступилъ къ созданію своихъ произведеній.

Творческія силы Гоголя, какъ и всякія другія силы человѣческія, развивались постепенно и принимали все болѣе и болѣе широкія размѣры. Начавши свою поэтическую дѣятельность картинами изъ быта и преданій своей родины—Малороссіи, Гоголь постепенно расширялъ, обхватывалъ все болѣе широкій кругъ цѣлаго русскаго общественнаго быта и завершилъ, наконецъ, мечтами о томъ гран-

діозномъ „Левіаѳанъ“, который остался неисполненнымъ и на которомъ потерпѣли крушеніе и его художественное творчество, и его жизнь.

Впервые со всею яркостію и силою развернулся могучій и оригинальный талантъ Гоголя въ повѣстяхъ съ малорусскимъ содержаніемъ. Разумѣемъ его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, которые сразу доставили ему извѣстность неожиданной оригинальностью разсказа и шутливаго юмора, и ввели въ избранный Пушкинскій кружокъ *).

Въ этихъ повѣстяхъ, начатыхъ Гоголемъ съ 1829 года, сразу выразился положительный характеръ его таланта, направленнаго къ внимательному изученію дѣйствительности. Основная канва повѣстей въ „Вечерахъ“, несомнѣнно, возникла изъ наблюденій, накопившихся съ дѣтства въ душѣ поэта, но, особенно, въ промежутокъ послѣ окончанія Гоголемъ курса въ Нѣжинскомъ лицѣѣ до отъѣзда въ Петербургъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія дома, безъ опредѣленнаго дѣла и въ ожиданіи предстоящей поѣздки въ Петербургъ, Гоголю ничего не представлялось иного, какъ наблюдать окружающую жизнь. Біографы Гоголя отмѣчаютъ, что свои личныя наблюденія о Малороссіи и бытовыхъ чертахъ ея обитателей нашъ поэтъ пополнялъ свѣдѣніями, заимствованными имъ изъ писемъ матери и другихъ лицъ. Пусть и такъ, но главное въ „Вечерахъ“, несомнѣнно, принадлежитъ автору, какъ плодъ его вполне самостоятельнаго вдохновенія. „Все, говорятъ Шенрокъ, что относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ, всѣ подробности въ изображеніи обыденной малороссійской жизни, описаніи ярмарки, вечерницъ, уличныхъ сценъ,

*) Опускаемъ предшествующія «Вечерамъ» произведенія Гоголя, напр., его идилію «Гавсь Кюхельгартенъ», повѣсть «Страшный кабанъ» и др. произведенія юношеской фантазіи поэта, такъ какъ въ нихъ можно видѣть только зачатки будущаго Гоголя.

домашнихъ бесѣдъ, наконецъ, всѣ безъ исключенія картины природы являются, несомнѣнно, плодомъ вполне самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни“ *). Прибавимъ къ этому, что при созданіи „Вечеровъ“ вводится въ каждую повѣсть не только какъ дополненіе и украшеніе, но и какъ существенно необходимый матеріаль, художественно обработанные эпизоды, почерпнутые Гоголемъ изъ произведеній народной фантазіи.

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, эти поэтическіе очерки Малороссіи, полны жизни и очарованія. „Все, скажемъ словами Бѣлинскаго, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ—обольстительнаго, все, что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго,—все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ герояхъ Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная“....**).

Оставляя въ сторонѣ содержаніе „Вечеровъ“, какъ всѣмъ извѣстное, съ ихъ яркою обрисовкою многихъ народныхъ обычаевъ, преданій и суевѣрій о колдунахъ, вѣдьмахъ, кладахъ и проч., мы отмѣтимъ только наиболѣе яркія особенности ихъ. Разумѣемъ, во 1-хъ, высоко-художественное изображеніе въ „Вечерахъ“ украинской природы, гдѣ, по преимуществу, нашель себѣ просторъ лиризмъ Гоголя, какъ одна изъ особенностей его таланта, и, во 2-хъ, юморъ его. Въ описаніи вѣчныхъ красотъ природы Гоголь является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовію наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. „Гоголь, по словамъ одного изъ его біографовъ,

*) Матеріалы для біографіи Г. т. 1, стр. 266.

**) Ч. 1-я. стр. 234.

можетъ быть, иной разъ уступить другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, достойныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью“ *). Съ особеннымъ блескомъ талантъ Гоголя, какъ художника при описаніи природы, проявился въ „Майской ночи“ и въ „Ночи предъ Рождествомъ“. Изображеніе „задумавшагося“ вечера и обоятельной украинской ночи въ „Утопленницѣ“ и зимней ночи—въ другой названной повѣсти, кажется, не имѣетъ себѣ равныхъ во всей русской литературѣ. Въ обоихъ повѣстяхъ такой волшебной кистью нарисована картина чуднаго сіянія звѣздной ночи, такъ искусно уловлено и представлено производимое въ такія поэтическія минуты дѣйствіе природы на человѣка, что невыразимая прелесть, одинъ разъ—нѣжной, благоухающей, весенней, въ другой—морозной рождественской ночи живо чувствуется при чтеніи въ продолженіе всего разсказа, отличающагося замѣчательной художественной выдержанностью. „Читайте вы его „Майскую ночь“, сказалъ Бѣлинскій, читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и мятелями; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти злой мачехи, это оставленное жилище съ раствореннымъ окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго плещутъ вереницы безплотныхъ красавицъ“ **). Но что особенно важно у Гоголя при этомъ яркомъ описаніи природы, такъ это то, что онъ умѣетъ не многими словами заставить читателя перенестись въ изображенную обстановку, живо почувствовать и пережить самое настроеніе дѣйствующихъ лицъ подъ вліяніемъ природы въ разныхъ

*) Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. 1, стр. 283.

***) Сочин. Бѣлин. ч. 1, стр. 234—235.

времена сутокъ и года. Въ „Сорочинской ярмаркѣ“ прекрасно представлено общее тревожное, подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ, настроеніе всѣхъ собесѣдниковъ, собравшихся провести вечеръ въ хатѣ Солопія Черевика, — настроеніе, совершенно исчезнувшее подъ вліяніемъ утра. Въ „Майской ночи“ невыразимое обаяніе чувствуется въ двухъ-трехъ словахъ, рисующихъ передъ читателями нѣгу весенняго вечера. „Было то время, когда утомленные дневными трудами и работами парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселіе въ звуки, всегда неразлучныя съ уныніемъ. И задержавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль“. Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ „Ночи передъ Рождествомъ“, гдѣ читатель какъ-будто видитъ передъ собою темную ночь, дышетъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселіе и бодрость. „Чудно блещетъ мѣсяць! Трудно разказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ козухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горять щеки, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади“. Все это, дѣйствительно, какъ-будто „живетъ и движется предъ вами“. Такъ умѣлъ Гоголь гармонически связывать описаніе природы съ внутреннимъ міромъ человѣка.

Можетъ быть, ни одинъ писатель не одаренъ былъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигъ такъ пластической красоты, красоты полной, „существующей для всѣхъ и каждаго“, никто, наконецъ, такъ не полонъ былъ сознанія о прекрасномъ физи-

чески и нравственно человекъ, какъ Гоголь, призванный очертить пошлость пошлаго человека.

Но кромѣ неподражаемой способности — волшебной кистью рисовать природу своей родной Украины, — въ „Вечерахъ“ сильно бьетъ въ глаза еще одна особенность таланта нашего поэта, болѣе уже не повторяющаяся у него, — это та веселость и тотъ почти не прерывающійся смѣхъ, которымъ смѣется читатель вмѣстѣ съ авторомъ. Это та веселость, которую Пушкинъ назвалъ „настоящею веселостью, искреннею, непринужденною, безъ жеманства, безъ цѣпорности“; это тотъ „легкій смѣхъ“, который, по словамъ Гоголя, весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человека. Въ этомъ смѣхѣ „не слышать еще того грустнаго смѣха, говоритъ Ап. Григорьевъ, который послѣ является единственнымъ честнымъ лицомъ въ произведеніяхъ Гоголя“, и самое особенное свойство таланта поэта „свойство очертить всю пошлость пошлаго человека, выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, и легко, и свѣтло оттого на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самаго поэта: надъ нимъ какъ — будто еще развернулось синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украины.... Въ „Вечерахъ на хуторѣ“ еще не видать безошаднаго анализа: юморъ еще только причудливо-граціозенъ: въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленика, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ-ли характерѣ Ивана Федоровича Шпоньки, въ которомъ таится уже, однако, зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Въ этомъ бытѣ, простомъ и вмѣстѣ поэтическомъ бытѣ Украины, поэтъ еще видитъ свою красавицу Оксану, свою Галю — чудное существо, которое спитъ въ „божественную, очаровательную ночь“, подъ украинскимъ небомъ, когда на этомъ небѣ „серпомъ стоитъ мѣсяцъ“, тутъ все еще полно таинственнаго обаянія: и прозрачность

озера, и фантастическія пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы—паночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А Сорочинская ярмарка съ шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскіе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь, эти дантовскіе образы народныхъ преданій. Все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чуждо, какъ лепетъ ребенка, какъ сказка народа“ *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чествованіе памяти В. А. Жуковскаго въ Полтавскомъ Духовномъ училищѣ.

Въ день окончанія учебныхъ занятій въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ, 10 Мая, послѣ уроковъ, совершена была въ училищномъ храмѣ панихида по В. А. Жуковскомъ. На ней присутствовали служащіе и воспитанники училища. Предъ панихидой смотрителемъ училища сказана рѣчь о религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ Жуковскаго.

На другой день—11-го Мая, въ часъ пополудни, состоялось въ училищѣ скромное празднованіе, посвященное памяти Жуковскаго, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его смерти. Послѣ обычной молитвы, празднованіе началось краткой рѣчью смотрителя училища, въ которой онъ, указавъ, что 11-го Мая православная Церковь совершаетъ память равноапостольныхъ учителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, выразилъ, далѣе, ту мысль, что духовная школа, какъ носительница, по преимуществу; духовнаго просвѣщенія, насадителями котораго почитаются св. братья Кириллъ и Меѳодій, пользуется и просвѣщеніемъ свѣтскимъ, вдохновителемъ котораго является, между прочимъ, нашъ

*) Сочин. Ап. Григорьева т. 1, стр. 16.

славный поэтъ В. А. Жуковскій, и, потому, въ настоящій день училище соединяетъ два праздничныхъ воспоминаія и одному даетъ преимущественное мѣсто въ храмѣ молитвы, другому же въ храмѣ книжнаго ученія. Въ слѣдъ за этимъ, ученическій хоръ исполнилъ гимнъ святымъ братьямъ Кириллу и Меѳодію. Далѣе, преподавателемъ русскаго языка въ училищѣ Н. Ф. Фалковскимъ прочтена рѣчь „о Жуковскомъ и его поэзіи“, выслушанная съ большимъ интересомъ. На актѣ чтеніе воспитанниками избранныхъ стихотвореній В. А. Жуковскаго, пѣніе хора и игра ученическаго оркестра смѣнялись одно другимъ. Прочитаны: отрывокъ изъ баллады „Громобой“, „Пѣсня бѣдняка“, баллада „Уллинъ и его дочь“, стихотвореніе „Родина“, „В. А. Жуковскому“, стихотвореніе Тютчева. „Къ портрету Жуковскаго“, стихотворенія А. Пушкина. Сыграны оркестромъ: „Хоръ изъ оп. „Русалка“ и Кантата изъ оп. „Кузнецъ Вакула.“ Въ заключеніе, исполненъ народный гимнъ хоромъ и оркестромъ вмѣстѣ.

Посреди зала былъ поставленъ на возвышеніи портретъ Жуковскаго, украшенный живыми цвѣтами и зеленью.

На актѣ присутствовали, кромѣ воспитанниковъ, всѣ служащія въ училищѣ съ своими семействами. Воспитанникамъ розданы брошюры изъ сочиненій В. А. Жуковскаго.

РѢЧЬ,

сказанная въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ предъ Панихидой по В. А. Жуковскомъ, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Въ двѣнадцатый день минувшаго Апрѣля исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти знаменитаго русскаго поэта В. А. Жуковскаго. День этотъ пришелся въ страстную

пятницу, когда мысль и сердце христіанина всецѣло заняты благоговѣйнымъ воспоминаніемъ величайшихъ и священныхъ событій—страданій и смерти Господа нашего Спасителя. Тогда не было мѣста иному празднованію, а потому, и нарочитая молитва о славномъ писателѣ и достойное его памяти чествованіе перенесены на другое время. Восполняя нынѣ долгъ памятованія о великомъ поэтѣ, мы собрались въ сей св. храмъ помолиться о упокоеніи души его.

Какъ пріятно молиться о спасеніи и блаженномъ упокоеніи въ небесномъ Царствѣ души того, кто вѣровалъ въ существованіе этого загробнаго состоянія, чья душа стремилась къ нему, искала его и въ немъ видѣла высшую цѣль своего бытія! А таковъ и былъ поэтъ-христіанинъ В. А. Жуковскій. Въ новой русской литературѣ нѣтъ равнаго ему по степени высокаго религіознаго настроенія, выразившагося въ сочиненіяхъ его. Немного у него сочиненій на темы о предметахъ вѣры, но за то всѣ сочиненія его обвѣяны духомъ горячей вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего.

Предметы для своего поэтического вдохновенія онъ почерпалъ, преимущественно, изъ области средневѣковыхъ преданій, легендъ и таинственныхъ сказаній. Это, однако, не помѣшало ему въ своемъ „плѣнительно-сладкомъ стихѣ“ освѣщать всѣ случаи, явленія и событія жизни свѣтомъ истинно—христіанскаго воззрѣнія. По словамъ поэта, каждая отдѣльная человѣческая жизнь это—углый челнъ на бурномъ житейскомъ морѣ. Одинъ Кормчій этой жизни-Спаситель, св. вѣра въ Него. Земныя удовольствія и наслажденія, по убѣжденію поэта, призрачны и мимолетны. Они изсушаютъ душу, леденятъ сердце, дѣлаютъ человѣка черствымъ, мрачнымъ. Лучше замѣнить эти земныя и временныя блага небесными и вѣчными. Любовь-чувство небесное. Она не прекращается разлукой, не прерывается смертію. Дружба, по мнѣнію Василя Андреевича, испытывается только въ

бѣдѣ и несчастіи. Смерть для праведника — покой, переходъ души къ истинному Источнику жизни и радости. Будучи въ такомъ возвышенномъ религіозномъ настроеніи ума и сердца, онъ съ необыкновеннымъ восторгомъ принялъ послѣднее предсмертное напутствіе и, причастившись святыхъ Таинъ съ глубокимъ умиленіемъ, сказалъ своимъ дѣтямъ: „Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! Радуйтесь, мои милыя!“ За нѣсколько часовъ до кончины онъ призвалъ къ себѣ младшую дочь свою и сказалъ ей: „Пойди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ и выпускаю перваго голубя—это моя вѣра; другой мой голубь—терпѣніе“.

Какъ высоки были мысли и нравственно чисты чувствованія Жуковского, такъ-же непорочны и его дѣла. Эти дѣла: христіанская любовь къ ближнему, состраданіе къ падшему и униженному, уваженіе къ праву и свободѣ человѣка, ясно выразились въ государственной дѣятельности державнаго ученика его—Царя Освободителя, Императора Александра II, уничтожившаго въ русскомъ царствѣ рабство людей, даровавшаго свободу милліонамъ своихъ подданныхъ отъ тяжелой крѣпостной неволи. Кто, какъ не онъ, воспиталъ въ сердцѣ царственнаго отрока эти святые чувства и подвинулъ умъ его на подвигъ челоѣколюбія, обезсмертившій его имя въ русской исторіи? Въ поэтическомъ вдохновеніи В. А. какъ будто прозрѣвалъ высокій удѣлъ своего будущаго питомца, когда тотчасъ по рожденіи выражалъ ему такіа пожеланія:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!

„Да славнаго участникъ славный будетъ

„Да на чредѣ высокой не забудетъ;

„Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ“!

На память и въ благодарность за чистыя, высокія слова и

добрыя дѣла поэта помолимся о упокоеніи блаженно-почившей чистой и кроткой души его въ райскихъ обителяхъ покоя и блаженства вѣчнаго. Аминь.

Протоіерей Гр. Лисовскій.

Празднованіе дня памяти св. Кирилла и Меодія въ Полтавскомъ духовной семинаріи.

Въ началѣ прошлаго 1901 года, какъ извѣстно, состоялось распоряженіе Святѣйшаго Синода (20 Марта—4 Апрелья) о торжественномъ празднованіи ежегодно *одинадцатого* Мая-дня памяти святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія—во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а именно: духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищахъ, а также въ церковныхъ школахъ, съ освобожденіемъ въ этотъ день учащихся всѣхъ названныхъ заведеній отъ учебныхъ занятій. Приэтомъ, наканунѣ должно быть совершенно торжественное всенощное бдѣніе, а въ самый день праздника—Божественная литургія и, затѣмъ, молебенъ святымъ Кириллу и Меодію. Духовно-учебнымъ заведеніямъ предоставляется устраивать въ этотъ день торжественныя собранія, съ чтеніемъ записокъ о великихъ подвигахъ святыхъ братьевъ Кирилла и Меодія и приличными случаю пѣснопѣніями, а въ церковныхъ школахъ къ этому дню должны приурочиваться ежегодные акты, съ выдачей свидѣтельствъ окончившимъ курсъ, а гдѣ позволяютъ средства,—и награды лучшимъ ученикамъ книгами или картинами духовно-правственнаго содержанія.

Примѣнительно къ такому распоряженію Св. Синода, въ мѣстной духовной семинаріи первое торжественное празднованіе дня памяти св. Кирилла и Меодія прошло слѣдующимъ образомъ.

Вечеромъ, 10 Мая, въ семинарской церкви совершенно было всенощное бдѣніе (съ величаніемъ) духовникомъ семинаріи, священникомъ М. Тимошевскимъ, причемъ, на величаніе выходили: ректоръ семинаріи, протоіерей І. Пичета и инспекторъ семинаріи іеромонахъ Александръ. Въ самый день праздника, 11 Мая, тѣмъ-же соборомъ, подъ предводительствомъ о. ректора, совершена была Божественная литургія, а затѣмъ, молебенъ св. Кириллу и Меодію.

Послѣ нѣкотораго перерыва воспитанники собрались въ одной изъ залъ семинарскаго зданія, въ ожиданіи торжественнаго собранія. Около 10¹/₂ часовъ утра прибылъ въ семинарію (пѣшкомъ) и Преосвященный Иларіонъ, Епископъ Полтавскій и Переяславскій, встрѣченный, по входѣ въ зданіе, семинарской корпораціей, во главѣ съ ректоромъ семинаріи, а въ залѣ — воспитанниками, при пѣніи „исъ полла эти деспота“.

Актъ начался пѣніемъ стихиръ „Днесъ благодать святаго Духа насъ собра“ и тропаря Кириллу и Меодію „яко Апостоловъ единоправнїи“. Послѣ этого, преподаватель церковной исторіи Н. И. Сагарда, получая благословеніе отъ Преосвященнаго, сказалъ составленную имъ для этого случая рѣчь о „славянофильствѣ и его идеалахъ“. Рѣчь, отличающаяся своею содержательностью, легкостью изложенія и умѣло произнесенная, выслушана была съ большимъ вниманіемъ и интересомъ — и лекторъ удостоился вполне заслуженной благодарности Его Преосвященства, а по окончаніи собранія — и продолжительныхъ овацій со стороны воспитанниковъ. Среди рѣчи, передъ изложеніемъ ученія славянофиловъ о необходимости духовнаго единенія съ закордонными славянами, семинарскій хоръ, подъ управленіемъ воспитанника VI класса И. Сидоренко, прекрасно исполнилъ извѣстную пѣсню „Не гордись передъ Бѣлградомъ“ — слова одного изъ родоначальниковъ славянофильства и поборниковъ даль-

нѣйшаго развитія его А. С. Хомякова, муз. Брянскаго. Послѣ рѣчи хоромъ воспитанниковъ, подъ управленіемъ преподавателя пѣнія И. Н. Ризенко и того же воспитанника Сидоренко, также недурно исполнены были: гимнь Кириллу и Меѳодію „Славяне, пѣснюю высокою почтимъ Апостоловъ славянъ“—муз. священника Старорусскаго, словацкая народная пѣсня „Нитра“ и гимнь Жуковскому (муз. Пахіопулло), оканчивающійся такимъ стихотвореніемъ Пушкина („Къ портрету Жуковскаго“):

Его стиховъ плѣнительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о словѣ младость,
 Утѣшится безмолвная печаль,
 И рѣзвая задумается радость.

Торжественное собраніе закончилось въ 11^{1/2} часовъ утра пѣніемъ пасхальнаго ирмоса „Свѣтися, свѣтися, Новый Иерусалиме“ и „исъ полла эти деспота“, послѣ чего Его Преосвященство отбылъ изъ семинаріи.

З. П. Ольскій.

Общее годовое собраніе членовъ Полтавскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.

Въ воскресенье, 19 Мая, за день до исполненія двадцатилѣтія со времени основанія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, состоялось общее годовое собраніе членовъ Полтавскаго Отдѣла Общества.

Собранію предшествовало торжественное совершеніе въ каедральномъ соборѣ многочисленнымъ городскимъ и иногороднимъ духовенствомъ благодарственнаго молебствія, съ провозглашеніемъ обычныхъ и приличествующихъ случаю многолѣтій.

Самое собраніе состоялось въ покояхъ архіерейскаго дома. Къ

часу дня, по приглашенію Предсѣдателя Отдѣла, Преосвященнѣйшаго Иларіона, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, въ покои Его Преосвященства прибыли: Преосвященный Гедеонъ, Епископъ Прилукскій, Викарій Полтавской епархіи, Начальникъ губерніи, Двора Его Величества Камергеръ, дѣйств. ст. сов. князь Николай Петровичъ Урусовъ, Полтавскій Вице-Губернаторъ, Двора Его Величества Камергеръ, Иванъ Сергѣевичъ Леонтьевъ, директоръ кадетскаго корпуса ген.-маіоръ А. П. Потоцкій, ректоръ семинаріи протоіерей І. Хр. Пичета, управляющій акцизными сборами Полтавской губерніи д. с. с. Андрей Григорьевичъ Джежелей, управляющій хозяйственной частію Полтавскаго института благородныхъ дѣвиць, Двора Его Величества Камеръ-юнкеръ, П. П. Шкотъ, инспекторъ классовъ того же института В. Ив. Сульжиковъ, начальница женскаго епархіальнаго училища В. А. Андріевская, инспекторъ классовъ того же училища протоіерей А. И. Капустянскій, кафедральный протоіерей Ѳ. Д. Лазурскій, епархіальный наблюдатель протоіерей І. Л. Ольшевскій, смотритель училища протоіерей Г. Я. Лисовскій, преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, члены и секретарь духовной консисторіи, многіе пріѣхавшіе изъ уѣздовъ отцы благочинные, настоятели Полтавскихъ городскихъ церквей и нѣкоторые частныя лица мѣстнаго общества.

Послѣ троекратнаго пѣнія „Христосъ Воскресе“ и „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“, Предсѣдатель Отдѣла—Преосвященнѣйшій Иларіонъ, благословилъ присутствующихъ и, сказавъ, что дѣятельность мѣстнаго Отдѣла приноситъ ему утѣшеніе и надежду на развитіе и укрѣпленіе присущихъ православному населенію Полтавской епархіи добрыхъ чувствъ къ Святой Землѣ, выразилъ свою благодарность всѣмъ членамъ Отдѣла и, въ особенности, духовенству за сочувствіе благимъ задачамъ и цѣлямъ Общества. Вслѣдъ за этимъ, получивши благословеніе отъ Архипастырей, казначей Отдѣла, преподаватель семинаріи, В. С. Ильинскій произнесъ рѣчь о „просвѣтительной

дѣятельности Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества въ Палестинѣ и Сиріи“. По окончаніи рѣчи, протодіакономъ Д. Гайдамакинымъ были провозглашены вѣчная память Основателю Палестинскаго Общества Императору Александру III и Учредительницѣ первой русской школы въ Палестинѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ и—многолѣтіе Покровителю Общества Государю Императору Николаю Александровичу, Предсѣдателю— Великому Князю Сергію Александровичу и всему Царствующему Дому, Предсѣдателю Полтавскаго Отдѣла Преосвященному Иларіону, Почетному члену Общества Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву и всѣмъ членамъ Общества.

Далѣе, послѣ прекрасно исполненнаго хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ музыкальнаго произведенія Чайковскаго на слова — „Быль у Христа Младенца садъ“, секретарь Его Преосвященства А. Г. Житецкій прочелъ отчетъ о дѣятельности Полтавскаго Отдѣла за третій годъ его существованія (съ 1-го Марта 1901 года по 1-е Марта 1902 года*). Когда закончено было чтеніе отчета, собранію предложено было, ввиду истеченія срока полномочій должностныхъ лицъ Отдѣла, произвести выборы на новое трехлѣтіе Предсѣдателя Отдѣла, Товарища его, казначея, кандидата къ нему и членовъ ревизіонной коммисіи. Собраніе единодушно просило Преосвященнѣйшаго Иларіона принять на себя званіе Предсѣдателя Отдѣла, а г. Начальника губерніи, Двора Его Величества Камергера, князя Николая Петровича Урусова— званіе Товарища Предсѣдателя. Казначеемъ Отдѣла избранъ преподаватель Полтавской духовной семинаріи В. С. Ильинскій, кандидатомъ къ нему—преподаватель той же семинаріи В. Н. Терлецкій и—членами ревизіонной коммисіи: о. Архимандритъ Θεодосій, о. протоіерей Григорій Гамалѣя и о. Георгій Богацкій. Въ заключеніе, архіерейскій хоръ пропѣлъ „Пантелѣй Цѣлитель“, слова А. Толстого, муз. Рахманинова, и собраніе объявлено было закрытымъ.

*) Отчетъ этотъ полностью помѣщенъ въ официальной части

Съ чувствомъ глубокой благодарности и къ великому утѣшенію всѣхъ, близко принимающихъ къ сердцу интересы Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, Полтавскій Отдѣль, его считаетъ пріятнымъ долгомъ своимъ отмѣтить въ высшей степени отрадное для него сочувствіе святому дѣлу Палестинскаго Общества о.о. благочинныхъ Полтавской епархіи, выразившееся какъ въ прибытіи очень многихъ изъ нихъ на общее собраніе Отдѣла, такъ и въ желаніи ихъ вступитъ въ число членовъ Общества. 19 Мая составъ членовъ Полтавскаго Отдѣла Палестинскаго Общества увеличился новыми 24-мя. Именно, пожелали быть дѣйствительными членами Общества Полтавскій Вице-Губернаторъ, Двора Его Величества Камергеръ, Иванъ Сергѣевичъ Леонтьевъ и о. благочинный Гадячскаго уѣзда Гр. К. Чесановъ и членами-сотрудниками: управляющій хозяйственной частію Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, Двора Его Величества камеръ-юнкеръ, П. П. Шкотъ и 21 о.о. благочинныхъ.

Отъ имени общаго собранія Полтавскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Предсѣдателемъ Отдѣла Преосвященнымъ Иларіономъ была отправлена Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Сергію Александровичу, Августѣйшему Предсѣдателю Палестинскаго Общества, телеграмма, подписанная, кромѣ Предсѣдателя Отдѣла, принявшимъ на себя званіе товарища Предсѣдателя г. Начальникомъ губерніи княземъ Н. П. Урусовымъ. Въ отвѣтъ на эту телеграмму Преосвященнымъ Иларіономъ получена отъ Его Императорскаго Высочества телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Васъ, Владыко, и князя Урусова сердечно благодарю за молитвенную память. Дай Богъ полного преуспѣянія Вашему Отдѣлу“.

«СЕРГѢЙ».

Телеграмма, отправленная Его Высочеству, была слѣдующаго содержанія:

„Благовѣрному Государю, Великому Князю Сергію Александровичу. Нынѣ состоялся третій отчетъ Отдѣла. Собраніе повергаетъ Вашему Императорскому Высочеству сердечныя привѣтствія и молитвенныя пожеланія благоденствія, при пѣніи—многая лѣта“. Иларіонъ Епископъ Полтавскій. Полтавскій Губернаторъ князь Урусовъ.

Священникъ Іоаннъ Тарасевичъ.

(Умеръ 15 Февраля 1902 года.)

Въ послѣднихъ числахъ Января с. г. по мѣстечку Смѣлому, Роменскаго уѣзда, пронеслась печальная вѣсть, что священникъ Николаевской церкви Іоаннъ Тарасевичъ слегъ въ постель, а немного позднеѣ, что у него сыпной тифъ. Нануганныя въ послѣднее время частой смертію священниковъ (за послѣднія 5 лѣтъ умерло 8 душъ), Смѣлчане болѣзнію о. Іоанна были поражены и опечалены. „Были ли у о. Іоанна? Какъ его здоровье? Лучше ли ему? Какъ онъ чувствуетъ себя? Спаси его, Господи! Пошли Богъ ему здоровье,“—это и подобное слышалось вездѣ. Не хотѣлось никому вѣрить, что смерть предъявить свои права на этого молодого, полного силъ и надеждъ пастыря церкви. Да и его организмъ боролся долгое время съ болѣзнію. Наконецъ, несмотря на старанія мѣстнаго медицинскаго персонала, несмотря на нѣжный уходъ супруги, болѣзнь взяла верхъ. На 13 день о. Іоаннъ потерялъ сознаніе, а спустя 5 дней отошелъ въ загробный міръ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ пришелъ въ чувство, говорилъ и этимъ подалъ надежду, что переломъ болѣзни прошелъ счастливо и дѣло пойдетъ на выздоровленіе. Никто изъ присутствовавшихъ въ это время не думалъ, что смерть стоитъ близь о. Іоанна, и еще нѣсколько часовъ и онъ будетъ лежать среди всѣхъ безды-

ханымъ, лице его измѣнится, глаза угаснутъ, уши не будутъ слышать рыданій осиротѣлой семьи.

Никто не думалъ, но смерть, какъ хищникъ, налетѣла и взяла у семьи любящаго и любимаго супруга и отца, у прихожанъ — добраго пастыря, а у насъ сопастырей — усерднаго соработника на нивѣ Христовой. Кончина его, была кончина праведника. Тихо, безмятежно, безъ стона, конвульсій и даже слабаго признака мукъ душа отдѣлилась отъ тѣла. Невольно здѣсь припомнились слова церковной пѣсни изъ послѣдованія погребенія священниковъ: „Почто мене рыдаете люто, о человекъцы? Почто всеу мятетесь?... смерть бо есть всѣмъ упокоеніе... смерть мужу покой есть. (Блаженны).

Совершилось таинство смерти, отправилась душа въ путь, которымъ никогда не ходила, оставивъ на попеченіи живыхъ свое брренное тѣло.

Раздались три печальныхъ удара въ колоколь, болью отозвавшихся въ сердцахъ о безвременной кончинѣ о. Іоанна и вызвавшихъ молитвенный вопль: „Царство ему небесное, вѣчный покой“.

Тѣло его, по обычаю, было отерто теплою водою и помазано елеемъ, облачено во всѣ священническія одежды и положено на уготованномъ столѣ. Тѣмъ временемъ, собрались осиротѣлыя духовныя чада почившаго и въ присутствіи ихъ была вознесена молитва объ упокоеніи его съ праведными, прерываемая рыданіями присутствовавшихъ и начато чтеніе св. Евангелія.

Выносъ тѣла покойника въ церковь былъ 16 Февраля, въ 4 часа пополудни, при участіи 3-хъ священниковъ и діакона, а чинъ священническаго погребенія, при участіи 4-хъ священниковъ и 2-хъ діаконовъ, былъ совершенъ 17 Февраля въ 3 часа дня. Стеченіе народа была такъ велико, что довольно обширная Николаевская церковь не могла

вмѣстѣ и половины желавшихъ помолиться обѣ упокоеніи души усопшаго о. Іоанна.

Скончавшійся о. Іоаннъ былъ сынъ діакна и родился въ м. Решетилковкѣ, Полтавскаго уѣзда, въ 1867 году 4 Декабря; былъ питомцемъ Полтавской духовной семинаріи, которую окончилъ въ 1889 г. 4 Мая 1890 года Преосвященнымъ Иларіономъ назначенъ псаломщикомъ къ Трехъ-Святительской церкви г. Зѣнькова; 1892 года 25 Сентября тѣмъ же епископомъ рукоположенъ въ санъ священника къ Онуфріевской церкви с. Лучки, Лохвицкаго уѣзда, гдѣ состоялъ и законоучителемъ мѣстной школы; 1894 года Апрѣля 26 дня переведенъ къ Вознесенской церкви с. Поздниковъ, того же уѣзда, съ утвержденіемъ законоучителемъ мѣстной школы; 1898 года Іюля 13 дня перемѣщенъ къ Михайловской церкви с. Безсалъ, того же уѣзда, съ утвержденіемъ законоучителемъ земскаго училища; 8 Сентября 1899 года по резолюціи Преосвященнаго Филиппа перемѣщенъ къ Николаевской церкви м. Смѣлаго, гдѣ состоялъ по день смерти.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ краткихъ свѣдѣній о службѣ покойника—священство было его главной цѣлью. Онъ не бросается въ разныя стороны, не ищетъ мѣста гдѣ лучше и выгоднѣе служить, а идетъ прямо къ цѣли, поступая на скромную, малообезпеченную должность псаломщика. Принявши санъ священника, о. Іоаннъ дѣлается усерднѣйшимъ исполнителемъ пастырскихъ обязанностей. Богослуженіе имъ совершается нелѣпно, выразительно и неспѣшно; исполненіе требъ дѣлается по первому заявленію; имъ также обращается серьезное вниманіе на просвѣщеніе народа. Въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ были школы онъ ревностно проходитъ обязанности законоучителя, а въ Николаевскомъ приходѣ м. Смѣлаго, несмотря на всѣ препятствія, открываетъ въ 1901 году школу грамоты.

Вообще, можно сказать, что о. Іоаннъ былъ достойнѣй-

и ревностнѣйшимъ исполнителемъ пастырскаго долга, что засвидѣтельствовано и епархіальнымъ начальствомъ, наградившимъ его за усердное исполненіе пастырскихъ обязанностей набедренникомъ въ 1897 году 13 Іюня.

Симпатичнѣйшими чертами его характера были: доброта, кротость, смиреніе, прямодушіе, миролюбіе.

Тяжело терять такихъ сослуживцевъ!

Утѣшеніемъ можетъ служить только молитва объ упокоеніи души усопшаго въ обителяхъ Отца Небеснаго, о чемъ усердно просить и самъ почившій: „Братіе мои возлюбленніи, не забывайте мя егда поете Господа: но поминайте и братство и молитесь Богу, да упокоитъ мя съ праведными Господь (Посл. погр. свящ. троп. по 3-мъ Ев.)

Исполнимъ же, сопастыри, чада и друзья, почившаго его посмертную просьбу, будемъ постоянно возносить усердныя молитвы, да упокоитъ Господь душу его со святыми, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни въздыханія, но жизнь безконечная.

1902 года
Марта 5 дня.

Священникъ *Іоаннъ Лабунцевъ*.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

БР. Г. Г. РЫБАКОВЫХЪ.

Принимаетъ заказы всякаго рода:

Иконостасы и кіоты, живопись, столярную, рѣзную и позолотную работы, а также росписи церквей. Всѣ работы исполняются при личномъ нашемъ руководствѣ и самымъ аккуратнымъ образомъ.

Фирма существуетъ съ 1845 года.

Г. Переяславль, Полт. губ. Собственный домъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТА ПАРИЖСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

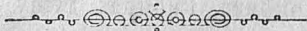
ВЪ Г. ПОЛТАВѢ,

въ домѣ Дубинскаго, противъ Государственнаго Банка, гдѣ раньше помѣщалась фотографія Варшавскаго.

Фотографія будетъ производить всевозможные фотографическіе снимки на матовой и другихъ бумагахъ заграничнымъ способомъ, портреты разной величины по усовершенствованному способу, не практиковавшемуся въ г. Полтавѣ.

ДУХОВНЫМЪ ЛИЦАМЪ, УЧАЩИМСЯ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА 30%.

Заказы будутъ выполняться тщательно и аккуратно.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Просвѣдительная дѣятельность Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества въ Палестинѣ и Сиріи (окончаніе).—II. Творчество Гоголя и его особенности.—III. Чествованіе памяти В. А. Жуковскаго въ Полтавскомъ Духовномъ училищѣ.—IV. Рѣчь, сказанная въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ предъ панихидой по В. А. Жуковскомъ, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.—V. Празднованіе дня памяти св. Кирилла и Меодія въ Полтавской духовной семинаріи.—VI. Общее годовое собраніе членовъ Полтавскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—VII. Священникъ Іоаннъ Тарасевичъ. VIII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи } *В. Конопатовъ.*
В. Терлецкій.

Печ., съ разр. мѣстн. дух. цензуры, 1 Іюня 1902 г.